

В. П. СТЕПАНЕНКО

МАРАШ И ГРАФСТВО ЭДЕССКОЕ В ДЕВОЛЬСКОМ ДОГОВОРЕ 1108 г.

Текст Девольского договора между Алексеем Комниным и князем Антиохии Боэмундом Тарентским, дошедший до нас в составе «Алексиады» Анны Комниной, сравнительно мало привлекался для анализа восточной политики Византии, а также малоазиатской политики княжества Антиохийского и графства Эдесского в первое десятилетие XII в. Русский перевод текста договора был опубликован и прокомментирован Я. Н. Любарским и М. М. Фрейденбергом. Отмечая зафиксированную в документе передачу Боэмунду территории графства Эдесского, они полагали, что, по договору, «за Боэмундом осталась значительная часть его владений, компактно расположенных вокруг Антиохии. Исключением здесь является лишь Германикея (Мараш. — В. С.), Дулук и фема Зуме, расположенные значительно севернее, в верховьях р. Пирамис». Столь необычное расположение владений Боэмунда, по мнению исследователей, объясняется тем, что после передачи Византии Равнинной Киликии у него остался лишь кусок восточного полукольца его владений — «далекая Германикея и Дулук. . . представляющие интерес постольку, поскольку они контролировали дорогу на Эдессу»¹. Такая интерпретация текста Девольского договора применительно к судьбам Мараша и Дулука представляется нам ошибочной уже потому, что исходит из постулата об исконной принадлежности вышеназванных территорий Антиохийскому княжеству, тогда как в действительности они входили в графство Эдесское.

Эта ошибка во многом объясняется обстоятельствами исторического характера: в западноевропейской литературе по истории Византии и государств крестоносцев Девольский договор либо не упоминается, либо его содержание освещается крайне бегло. Так, еще в начале XX в. Ф. Шаландон, пытавшийся локализовать некоторые из упомянутых в тексте договора географических пунктов, обошел молчанием вопрос о судьбах графства Эдесского, что, в свою очередь, привело к тому, что Германикею он искал на р. Евфрат, игнорируя Мараш, который, как историк, по видимому, полагал, якобы не мог быть передан князю Антиохии². Позднее Р. Груссе при описании событий 1107—1109 гг. лишь упомянул о Девольском договоре, сославшись при этом на труд Ф. Шаландона³. К. Каэн, посвятивший особое исследование истории Антиохийского княжества, характеризующее деятельность Танкреда, также игнорировал договор⁴. Не упоминается он и в первом томе коллективного труда американских и западноевропейских исследователей по истории крестовых походов (соответствующая глава написана Г. Финком⁵). Лишь С. Рэнсимен пред-

¹ Любарский Я. Н., Фрейденберг М. М. Девольский договор 1108 г. между Алексеем Комниным и Боэмундом // ВВ, 1962, 21. С. 264, 265.

² Chalandon F. Essai sur le règne d'Alexis I Comnène. P., 1900. P. 249.

³ Grousset R. Histoire des croisades et du royaume franc de Jérusalem. P., 1934. T. 1. P. 418.

⁴ Cahen Cl. La Syrie du Nord à l'époque des croisades et de la principauté franque d'Antioche. P., 1940. P. 248.

⁵ A History of the Crusades. Philadelphia, 1955. Vol. 1. Ch. 13: The foundation of the Latin States, 1099—1118 / By G. Fink. P. 368—408.

принял попытку проанализировать текст договора, а еще раньше Э. Хонигман локализовал многие значащиеся в нем географические названия ⁶.

В свете вышеизложенного неудивительно, что Я. Н. Любарский и М. М. Фрейденберг отнесли Мараш и Дулук к территории Антиохийского княжества, тогда как на самом деле именно отторжение их от графства Эдесского и передача Боэмунду Тарентскому явились составной частью основной проблемы договора — эдесской.

Девольский договор 1108 г. представлял собой попытку Византии путем полной перекройки политической карты Ближнего Востока восстановить свои позиции в данном регионе в основном за счет государств крестоносцев — Антиохийского княжества и графства Эдесского, а также сельджукского Румского султаната, эмиратов Данышмендов, Сельджукидов (Алеппо) и Мункидитов (Шейзар). Империя действовала в духе ойкуменической доктрины, рассматривая данные территории как временно утраченную часть подвластной василевсу ойкумены, а власть их правителей — как своего рода императорский лен, который мог быть передан любому из соседних владетелей, признавших сюзеренитет Константинополя. В данном аспекте анализ текста договора 1108 г. — с целью выявления судеб Антиохийского княжества и в связи с этим Мараша, Дулука и графства Эдесского — может сулить интересные, многое уточняющие открытия.

Известно, что после 1071 г. территории Малой Азии, Северной Сирии и Месопотамии, принадлежавшие Византии, были ею утрачены. На территории Малой Азии образовались сельджукский Румский султанат и эмират Данышмендов Севастии. Юго-восточные фемы империи с городами Равнинной Киликии, Марашем, Мелитеной, Эдессой и Антиохией перешли под контроль мятежного доместика схол Востока — Филарета Врахамия. Мараш стал столицей его владений (здесь он и умер после захвата их сельджуками в 1086 г.) ⁷. В города Равнинной Киликии и Мараш были введены гарнизоны Румского султаната (1084 г.). Антиохия после 1096 г. превратилась в столицу эмирата. Мелитена и Эдесса сохранили внутреннюю автономию, признав сюзеренитет сельджукских султанатов, боровшихся за гегемонию на Ближнем Востоке. В горах Киликии и на правобережье Евфрата сложились армянские княжества.

В этих условиях борьба за возвращение утраченных территорий Малой Азии, Северной Сирии и Месопотамии послужила основой долгосрочной внешнеполитической программы империи на Ближнем Востоке. Однако, не располагая для ее осуществления собственными силами, Византия пыталась использовать в указанных целях первый крестовый поход. В Константинополе между Алексеем Комниным и вождями крестоносцев было заключено соглашение, по которому, как сообщает Гийом Тирский, «если удастся им с божьей помощью овладеть одним из городов, принадлежащих прежде империи, по всей их дороге до Сирии, то такой город с прилегающей областью должен быть возвращен императору, а вся добыча и прочее имущество жителей отданы без всяких препятствий войску в виде награды за его труды и как уплата за издержки» ⁸. Тогда же Роберт Нормандский, Боэмунд Тарентский, Годфруа Бульонский и Раймунд Тулузский признали сюзеренитет императора, представленный латинскими хронистами в привычных для них формах западноевропейских сюзеренно-вассальных отношений. Рауль Каэнский, впрочем, сумел воспроизвести византийскую трактовку этого акта, вложив в уста своего героя, племянника Боэмунда Тарентского — Танкреда, фразу: «Боэмунд отправился за богатствами, обольщенный и увлеченный именем

⁶ *Runciman S. A History of the Crusades. Cambridge, 1951. Vol. 1. P. 33—52; Honigmann E. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363. bis 1071. Bruxelles, 1935. S. 125—129.*

⁷ *Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche (1166—1199) / Ed. et trad. par J.-M. Chabot. P., 1905. T. III (Далее: Michel le Syrien. Chronique). P. 173.*

⁸ *Willermi Tyrensis Historia rerum in partibus transmarinis gestarum // RHCoc. T. I, lib. 3. Ch. 12.*

сына, — так назвал его в своем письме Алексей, — чтобы броситься в объятья отца»⁹. В сочетании с параллельным свидетельством Анны Комниной это дает возможность предположить, что Боэмунд и, подобно ему, каждый из остальных предводителей похода были признаны «сыновьями» василевса, как главы византийского ойкуменического сообщества — «упорядоченной иерархии государств-сателлитов, вовлеченных в послушную гармонию вокруг престола всеобщего автократора в Константинополе»¹⁰.

Термины родства — «брат», «сын» и «друг» василевса, применяемые в отношении правителей соседних государств, имели титулярное значение и определяли положение данного правителя и возглавляемого им народа в системе ойкуменического сообщества. Определяемые этими понятиями реальные связи являлись личностными по характеру. А поскольку практически равенство в отношениях с империей исключалось, постольку носитель византийского сана должен был, по меньшей мере в теории, признать какие-то права василевса¹¹.

Ойкуменическая доктрина продолжала оставаться концептуальной основой и орудием внешней политики Византии и после краха имперского ойкуменического сообщества в 70—80-е годы XI в., когда в результате сельджукской экспансии на Ближнем Востоке вассалы империи или считавшиеся таковыми в Константинополе — Грузия, Ташир-Дзорает, эмираты Мерванидов (Диар Бакра) и Мирдасидов (Алеппо) — признали сюзеренитет султаната Великих Сельджукидов. А так как василевс «теоретически» продолжал рассматриваться в качестве потенциального владельца всей территории ойкумены, цивилизованного мира, с пределами которого отождествлялись номинальные границы империи, то и после Манцикерта император трактовался в Константинополе как верховный сюзерен владельцев государств, образовавшихся на принадлежавших ранее Византии территориях, независимо от того, в каких отношениях находились они с Византией и поддерживали ли их вообще. Районы ойкумены, оказавшиеся вне сферы влияния императорской власти, если они когда-либо и в какой-либо форме признавали ее, рассматривались как временно утраченные, но формально и потенциально остающиеся под сюзеренитетом василевса в рамках ойкумены. Отсюда — и претензии императора на возвращение утраченных земель, чьи правители изображались таким образом, будто они правят лишь по воле василевса, поскольку, мол, он временно передал им некую часть своих верховных прав, своего высшего суверенитета над данными территориями. Поэтому Константинопольский император считал себя вправе в любое время вернуть их под свой контроль. Вот почему, признав себя, по Константинопольскому соглашению, «сыновьями» василевса, предводители крестового похода обязались вернуть Алексею Комнину все принадлежавшие ему города на Востоке, которые будут отняты у сельджуков, получив взамен почетные одеяния, соответствующие выплаты из казны и право на военную добычу.

Соглашение, о котором сообщает Гийом Тирский, в целом не было выполнено, и на территориях прежних фем империи в Месопотамии, Северной Сирии и в Палестине образовались государства крестоносцев, из которых Антиохийское княжество, а временами и графство Эдесское имели общие границы с Византией и стремились к расширению своих территорий за счет земель, ранее входивших в империю. Поэтому тотчас же после образования латинских государств Византия начинает вести борьбу если не за захват их территории, то, по крайней мере, за признание ими

⁹ *Radulphi Cadomensis Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*, ch. XI // РНСос. Т. 3. Р. 612.

¹⁰ Анна Комнина. *Алексиада* / Вступ. ст., пер. и коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965. С. 286—287; *Obolensky D. The principles and methods of Byzantine diplomacy* // Congress Intern. des études byzantines. Ochrid, 1951. Rapports, II. Р. 52.

¹¹ Юзбашян К. Н. «Повествование» Аристакуса Ластиверци и закат «эпохи Багратидов»: Автореф. дис. . . . д-ра ист. наук. Л., 1975. С. 10—11.

сюзеренитета василевса в пределах имперского ойкуменического сообщества.

Период 1098—1100 гг. был временем становления государств крестоносцев. Однако если в Сирии и Месопотамии возможности их территориальной экспансии были ограничены и столкновения графства Эдесского с эмиратами Артукидов Диар Бакра и Антиохийского княжества — с эмиратом Сельджукидов Алеппо довольно быстро привели к демаркации их границ, то в Малой Азии, где после поражения, нанесенного крестоносцами сельджукскому Румскому султанату и эмирату Данышмендов Севастии, последние утратили контроль над обширными территориями вдоль своих юго-восточных границ, успехи государств крестоносцев были более значительны. Именно здесь они столкнулись с Византией и по меньшей мере до 1108 г. оспаривали друг у друга власть над территориями, расположенными по линии Равнинная Киликия—Мараш—Абласта—Мелитена. Города Равнинной Киликии стали объектами борьбы Византии и Антиохийского княжества. В то же время интересы последнего и графства Эдесского сталкивались в районах Мараша—Мелитены, хотя известные претензии на них сохранялись и у империи, а графство Эдесское, в свою очередь, претендовало на Равнинную Киликию. Таким образом, в указанных районах сталкивались интересы всех трех государств.

Еще осенью 1097 г. Бодуэн Фландрский, впоследствии граф Эдессы, в борьбе с Танкредом ввел свой гарнизон в Тарс¹², но, уйдя весной 1098 г. за Евфрат, к Эдессе, утратил позиции в Равнинной Киликии. Осенью 1098 г. ставший князем Антиохии Боэмунд Тарентский ввел свои гарнизоны в киликийские города, включая Тарс¹³. Намерение князя распространить свою власть на восточную Киликию, включая порты Курик и Селевкию, вынудило Византию спешно восстановить укрепления этих городов, лежавшие в руинах¹⁴. Захват Боэмундом Киликии предельно обострил его отношения с империей. В то же время и граф Эдессы сохранял в данном районе определенные интересы: он стремился не допустить чрезмерного усиления здесь позиций князя Антиохии и воспрепятствовать его экспансии в направлении к Марашу¹⁵. Последний стал объектом борьбы трех государств сразу же после того, как осенью 1097 г. был занят основными силами крестоносцев, шедших к Антиохии. По сведениям Маттэоса Урхайеци, Мараш якобы был передан вождями крестоносцев Алексею Комнину в первый год святой войны, т. е. в 1097 г.¹⁶, но Анна Комнина связывает восстановление власти империи в этом районе с походом византийских войск во главе с Вутумитом и Монастрой, датировемым 1099—1100 или 1102—1103 гг.¹⁷ Под 549 г. арм. эры (24.2 1100—22.2 1101) Маттэос сообщает, что «в это время полководец ромеев ишханац ишхан Татул находился в Мараше, городе, принадлежавшем тагавору Алексею»¹⁸, и был осажден в нем Боэмундом, вскоре, в августе 1100 г., попавшим в плен у Мелитены¹⁹.

Таким образом, к лету 1100 г. Мараш принадлежал Византии. Тогда же Боэмунд предпринял попытку захватить город. Князь и его племянник

¹² *Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana* // RHCoc. T. 4, lib. 3. Ch. 8—14.

¹³ *Willerm. Tyr.* Op. cit. Lib. 7. Ch. 2.

¹⁴ Анна Комнина. Указ. соч. С. 315.

¹⁵ Только этим могут быть объяснены устойчивые армянские браки графов Эдессы. Бодуэн Фландрский до исхода 1100 г. женился на Арде, племяннице Константина I Рубенида, дочери его брата Тафрока-Гороса. См.: *Willerm. Tyr.* Op. cit. Lib. 10. Ch. 1. Мнение Э. Хонигмана, отождествлявшего Тафрока со стратигом Мараша Татулом, ошибочно. Второй граф Эдессы, Бодуэн Буржский, женился (в 1100—1103 гг.) на дочери владельца Мелитены Гавриила Морфии. См.: *Willerm. Tyr.* Op. cit. Lib. 12. Ch. 4. Наконец, третий граф Эдессы, Жослен де Куртеназ, женился на дочери Константина I Рубенида. См.: *Idem.* Lib. 14. Ch. 3.

¹⁶ *Урхайеци Маттэос.* Хронография. Вагаршапат, 1898. С. 272. Древнеарм. текст.

¹⁷ Анна Комнина. Указ. соч. С. 313; Любарский Я. Н. Замечания к хронологии XI книги «Алексиады» Анны Комниной // ВВ, 1963. 23. С. 47—66.

¹⁸ *Урхайеци Маттэос.* Указ. соч. С. 272.

¹⁹ Данные латинских хроник приведены Х. Хагенмайером: *Hagenmayer H. Chronologie de la première croisade.* P., 1902. P. 302—312.

Ричард «собрали франков и пошли против Мараша». Город был осажден. Боэмунд «потребовал, чтобы Татул передал ему этот город»²⁰, но в это время получил приказ о помощи от владетеля Мелитены Гавриила, осажденного эмиром Севастии Амиром Гази Гюмюшом тегином Данышмендом. Боэмунд оказался ближе к Мелитене, чем кто бы то ни было из вождей крестоносцев, поэтому и обратился Гавриил именно к нему. Автор анонимной сирийской хроники (далее — Аноним), составленной в 1234 г., отмечает, что Гавриил предлагал Боэмунду власть над городом и руку своей дочери Морфии²¹.

Сняв осаду Мараша, князь поспешил к Мелитене и на пути к городу попал в плен к Данышменду. Тотчас же сюда с отрядом рыцарей направился Бодуэн Фландрский. Латинские хронисты уверены, будто его целью было освобождение Боэмунда. Это не удалось сделать, тем не менее Бодуэн достиг Мелитены и вступил в город. Гавриил, по-видимому, признал себя его вассалом²², но зависимость эта вряд ли была реальной и прервалась тотчас же после ухода графа в Эдессу. Районы между Мелитеной и Эдессой контролировал эмират Данышмендов. Поэтому контакты между ними могли быть лишь спорадическими. В Мелитене был оставлен небольшой рыцарский отряд, явно недостаточный для ее защиты. По данным Михаила Сирийца, уже 18 сентября 1101 г. город был захвачен Данышмендом²³. Между тем Гийом Тирский сообщает о браке графа Эдессы Бодуэна Буржского и дочери Гавриила Морфии, причем известие это передается непосредственно перед упоминанием об освобождении Боэмунда весной 1103 г.²⁴ Аноним 1234 г. говорит о том, что Мелитена была захвачена уже после выхода Боэмунда из плена²⁵. На этом основании Х. Р. А. Гибб, Р. Груссе и Ф. Шаландон отнесли захват города к весне 1103 г.²⁶ Таким образом, попытки Боэмунда захватить территории Малой Азии, районы Мараша и Мелитены оказались безуспешными. Мараш остался под контролем Византии. Мелитена признала сюзеренитет графства Эдесского. Преемник Бодуэна Фландрского, ставшего в 1100 г. королем Иерусалима, Бодуэн Буржский получил в жены дочь Гавриила.

Пленение Боэмунда дало возможность и Византии изгнать антиохийские гарнизоны из городов Равнинной Киликии. Ставший весной 1101 г. регентом Антиохийского княжества Танкред начал отвоевание киликийских городов у империи: оно завершилось к осени 1102 г. Выйдя весной 1103 г. из плена, Боэмунд в основном воевал на южных границах своих владений против владетеля Алеппо Ридвана ибн Тутуша. Тогда же граф Тель Башира Жослен де Куртенэ, вассал графа Эдессы, совершил набег на территорию эмирата. К этому времени Ф. Шаландон, Р. Груссе и К. Каэн относят поход Вутумита в Киликию и захват им Мараша²⁷. Однако дата похода, предложенная Я. Н. Любарским, — конец 1099 — начало 1100 г.²⁸ — подтверждается сведениями Маттэоса Урхайеци, кстати оставшимися неизвестными самому исследователю: Татул был наместником Византии в Мараше уже летом 1100 г.²⁹

Под 553 г. арм. эры (23.2 1104—22.2 1105) Маттэос сообщает, что Татулу пришлось сдать Мараш Жослену де Куртенэ, появившемуся

²⁰ Урхайеци Маттэос. Указ. соч. С. 272.

²¹ The First and the Second Crusades from an Anonymus Syriac Chronicle / Transl. by A. S. Tritton with notes by H. R. A. Gibb // JRAS, 1933. Т. 3. P. 74—75; Michel le Syrien. Chronique. P. 187, 192.

²² Albert. Aqueus. Op. cit. Lib. 7. Ch. 27.

²³ Michel le Syrien. Op. cit. P. 188; Ibn al Athir. Chronique // RHCOR. Т. 1. P. 203—204.

²⁴ Willerm. Tyr. Op. cit. Lib. 10. Ch. 24.

²⁵ Anonymus. Syriac Chronicle. P. 75.

²⁶ H. R. A. Gibb // Anonymus. Syriac Chronicle. P. 75, N 3; Grousset R. Op. cit. P. 381, 391, N 1; Chalandon F. Les Commènes. P., 1912. P. 41, 104.

²⁷ Chalandon F. Essai. . . P. 234, N 4; Grousset R. Op. cit. P. 400; Cahen Cl. La Syrie du Nord. P. 237, N 32.

²⁸ Любарский Я. Н. Замечания к хронологии. . . С. 47—56.

²⁹ До 1104 г. Мараш даже эпизодически не принадлежал Рубенидам (вопреки мнению Э. Хонигмана и С. Рэнсимена). См.: Honigmann E. Die Ostgrenze. . . S. 127, N 5; Runciman S. // A History of the Crusades. Philadelphia, 1955. Vol. 1. P. 292.

у стен города, и вернуться в Константинополь³⁰. Причина этого очевидна: после утраты империей Равнинной Киликии Мараш оказался отрезанным от ее территории антиохийскими владениями. Маттэос Урхайеци приводит рассказ о сдаче Мараша после сообщения о битве при Харране, где Бодуэн попал в плен. Ошибку эту отметил уже Ф. Шаландон, датировавший переход Мараша под власть графа Тель Башира весной 1104 г.³¹

Битва при Харране, в которой отряды Боэмунда, Танкреда, Бодуэна Буржского и Жослена де Куртенэ потерпели поражение от войск атабека Мосула Джекермиша и владетеля Хысы Кайфы Сокмена ибн Артука, завершилась пленением графов Эдессы и Тель Башира. Судя по изложению событий латинскими хронистами, причиной поражения явились распри между владетелями Антиохии и Эдессы, в том числе из-за еще не захваченного Харрана³². Бодуэн Буржский и Жослен де Куртенэ не были выкуплены из плена. Танкред стал регентом Эдессы, Боэмунд, как кажется, — Тель Башира³³.

Внешнеполитические последствия этого поражения были весьма значительны. От Антиохийского княжества отпал Артах, население которого призвало Ридвана; антиохийские гарнизоны оставили пограничные Кафартаб, аль-Маарру и эль-Бару; войска Ридвана совершили набег на территорию княжества³⁴. Среди городов, отпавших тогда от Антиохийского княжества, исследователи, ссылаясь обычно на данные Михаила Сирийца, упоминают Абласту — один из центров района Джахан, расположенный на дороге Мараш—Мелитена. Р. Груссе полагал, что Абласта могла быть захвачена Боэмундом незадолго до битвы при Харране³⁵. Действительно, повествуя о событиях этого времени, Михаил Сириец отмечает, что после смерти султана Рума Килич Арслана I, когда его сыновья вели междоусобную борьбу, «франки, видя, что турки взаимно предались борьбе, воодушевились. Боэмунд отправился захватить Абласту и район Джахан. Вся страна Мелитены подчинилась ему»³⁶. Дата подчинения Абласты Боэмундом неизвестна. Хотя Михаил Сириец связывает данное событие со смертью Килич Арслана (погиб в битве при Хабуре в 1107 г.)³⁷, но помещает его среди событий, предшествовавших битве при Харране в 1104 г. Единственный исследователь, пытавшийся разобраться в данном вопросе, исходя из оценки географического положения Абласты и анализа международной обстановки в целом, С. Рэнсимен, полагал, что ввод в город антиохийского гарнизона был возможен в том случае, если бы к этому времени под власть крестоносцев находились Мараш и Дулук, находившиеся на полпути между Антиохией и Абластой. Именно поэтому исследователь связал сдачу Мараша Жослену де Куртенэ и захват Абласты Боэмундом, датировав их началом 1104 г.³⁸ Однако на самом деле какие-либо основания для данной синхронизации отсутствуют. Ясно, что захват Абласты мог быть совершен лишь после того, как под контроль князя Антиохии перешли районы Мараша и Дулука, феоды графства Эдесского, т. е. после битвы при Харране, но до отъезда Боэмунда в Европу летом—осенью 1104 г.

Ставший регентом Антиохийского княжества после отъезда Боэмунда

³⁰ Урхайеци Маттэос. Указ. соч. С. 298.

³¹ Chalandon F. Essai. . . P. 234, N 4.

³² Albert. Aquens. Op. cit. Lib. 9. Ch. 39; Willerm. Tyr. Op. cit. Lib. 10. Ch. 48; Radulph. Cadomens. Op. cit. Ch. 153. P. 408—409; Aboulfeda. Annales // RHCOr. T. 1. P. 212—213.

³³ Albert. Aquens. Op. cit. Lib. 11. Ch. 41.

³⁴ The Damascus Chronicle of Crusades / Extr. and transl. from the Chronicle of Ibn al Qalanisi by H. R. A. Gibb. L., 1932. P. 69; Ibn al Athir. Chronique. . . // RHCOr. T. 1. P. 212—213.

³⁵ Grousset R. Op. cit. P. 412.

³⁶ Michel le Syrien. Op. cit. P. 195.

³⁷ Урхайеци Маттэос. Указ. соч. С. 304—306.

³⁸ Runciman S. A. History of the Crusades. Vol. 1. P. 40.

Танкред утратил Абласту в 554 г. арм. эры (23.2 1105—22.2 1106 г.), когда армянское население города изгнало из него франкский гарнизон³⁹. Мараш и Дулук оставались под контролем регента, административно, возможно, отделенные от графства Эдесского, наместником которого стал Ричард Салернский.

Воспользовавшись поражением крестоносцев при Харране, Византия вновь захватила Равнинную Киликию и Лаодикею⁴⁰. Лишь осенью 1107 г. Боэмунд высаживается на Балканах и начинает военные действия против империи. В ходе подготовки к отражению его нападения Византия была вынуждена отозвать Монастру из Тарса и Кантакузина из Лаодикеи, облегчив тем самым задачу Танкреду, приступившему к отвоеванию Равнинной Киликии и Лаодикеи⁴¹.

Между тем военные действия на Балканах завершились подписанием в сентябре 1108 г. Девольского мирного договора. Боэмунд признал себя вассалом Алексея Комнина, приняв обязательство нести военную службу василевсу, подчинить ему своих вассалов, впредь возвращать те из завоеванных территорий, которые ранее принадлежали империи, или считать их дарованными василевсом, если ранее они не входили в состав Византии. «До конца жизни» Боэмунд получил территорию Антиохийского княжества в границах 1104 г., включая и отвоеванный Танкредом Артах, входившие в графство Эдесское Мараш и Дулук и принадлежавший Мункидитам Шейзар⁴². После смерти Боэмунда эти территории «должны будут вернуться под власть нового Рима». Выражая свою последнюю волю, князь обязывался повелеть «управляющим и своим людям, чтобы они отдали под власть Ромейской державы все упомянутые земли»⁴³. От Антиохийского княжества отторгались города Равнинной Киликии — Тарс, Адапа, Мамистра и Аназарба, а также район Лаодикеи — Тортосы с Джебелем, Валаном, Мараклеей на средиземноморском побережье Сирии⁴⁴. В качестве компенсации империя передавала Боэмунду свои права на «фему области Кассиотида» с Алеппо, ряд городков в «Ближней Сирии» — на территории эмирата Алеппо (если принять идентификацию городка Некра с одной из трех ан-Накир⁴⁵) и территории бывшей византийской фемы Лапарии в Малой Азии с городами Пласты-Абласта, Хоний, расположенной около Хония крепостью Ромайны, крепостью Арамис и городком Амира, а ниже, у границ Киликии, крепость Сарван (по-видимому, Сарвантикар⁴⁶) и укрепление Телхампсон (скорее всего, Тил Хамдун⁴⁷). К сожалению, не совсем ясно, должны ли были эти территории перейти под контроль Византии после смерти Боэмунда.

«Из месопотамских фем, находящихся вблизи города Эдессы», князь приобретал права на фемы Аэт и Лимниев, а «графство (Эдесское) в целом, вместе со всеми подвластными ему укреплениями и землями» и власть графа с правом передачи их по наследству любому — при условии, если наследник признает сюзеренитет василевса и Девольский договор⁴⁸. Наконец, Боэмунд получал ежегодные выплаты из казны.

³⁹ *Урхайеци Маттэос*. Указ. соч. С. 302—304.

⁴⁰ *Анна Комнина*. Указ. соч. С. 318.

⁴¹ Там же. С. 321.

⁴² Там же. С. 369.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 370.

⁴⁵ Известны ан-Накиры около Мембиджа и аль-Маарры. См.: *Grousset R.* Op. cit. P. 574, п. 3.

⁴⁶ Идентичность Сарвана — Сарвантикара подтверждается тем, что в тексте договора рядом назван Телхампсон, отождествляемый с Тил Хамдуном, расположенным рядом на территории Равнинной Киликии. Это не может быть Тель Руман (как полагают Я. Н. Любарский и М. М. Фрейденберг. См.: Девольский договор. . . С. 274, примеч. 58 со ссылкой на Р. Дюссо), находившийся много восточнее даже графства Эдесского, около Нисибина в Месопотамии.

⁴⁷ *Анна Комнина*. Указ. соч. С. 371.

⁴⁸ Там же.

Таким образом, Девольский договор должен был оформить переход территории Антиохийского княжества к Византии двумя этапами. Сразу же после его заключения империя приобретала Равнинную Киликию и район Лаодикеи — Тортосы, а затем, после смерти Боэмунда, основную территорию княжества с Антиохией и долиной р. Оронт. Передавая князю свои права на Мараш и Дулук-Телух — феоды графства Эдесского, Византия явно удовлетворяла претензии Боэмунда на эти территории (которые он безуспешно пытался захватить с 1100 г.), с тем чтобы получить их после его смерти. По-видимому, такова же должна была быть участь фемы Лапары, на часть территории которой (Абласту) князь Антиохии также претендовал, если бы смог реализовать полученные на нее права. Реально же территории бывшей фемы принадлежали тогда Румскому султанату, эмирату Данышмендов, возможно, княжеству Рубенидов и самому Антиохийскому княжеству.

Судя по последовательности перечисления городов фемы, она протянулась узкой полосой от Абласты-Хон до Сарвантикара-Тил Хамдуна у границ Антиохийского княжества. Между ними был расположен район Мараша, который, по-видимому, некогда также входил в состав данной фемы и на который Боэмунд Тарентский тоже претендовал. Сарвантикар и Тил Хамдун уже в силу своего географического положения разделяли судьбу Тарса, Аданы, Мамистры и Аназарбы. Показательно в этой связи, что империя особо определяет в договоре границы Антиохийского княжества и княжества Рубенидов в данном районе, передавая Боэмунду свои права на Сеав Лер (Черную гору — Аманский хребет, протянувшийся от средиземноморского побережья до Мараша) и «все подчиненные ей крепости и всю лежащую под ней долину, разумеется, за исключением владений Льва и Феодора Рупениев», вассалов императора ⁴⁹. Из городов, лежавших за Аманом, в Киликии, Боэмунд получил права лишь на Сарвантикар и Тил Хамдун. Возможно, именно здесь была установлена граница между его владениями и княжеством Рубенидов.

К империи должны были также перейти центральные районы эмирата Сельджукидов — Алеппо, включая и городки «Ближней Сирии», если бы Боэмунд сумел отвоевать их у Ридвана ибн Тутуша, как и Шейзар у Мункидитов. Следовательно, преемники Боэмунда получали лишь урезанную территорию графства Эдесского (без Мараша и Дулука) — при условии признания ими сюзеренитета империи.

В целом ситуация поразительно напоминает ту, которая сложилась в 70—90-х годах X в., когда Византия даровала правителю Тао Багратиду Давиду Куропалату свои права на Апахуник (вблизи озера Ван), реально принадлежавший эмирату Мерванидов Диар Бакра, в 990 г. вынудила Давида признать свои владения лишь пожизненными и, после того как он отвоевал у Мерванидов часть Апахуника (с Манчикертом), унаследовала в 1001 г. земли отравленного Багратиды ⁵⁰. Все это наглядно демонстрирует традиционность, если не консерватизм, принципов и методов имперской дипломатии, во многом связанной с лежавшей в ее основе ойкуменической доктриной.

Претензии Византии на сюзеренитет над давно утраченными ею территориями вплоть до права передачи его — целиком или частично — кому-либо из соседних правителей, признавших над собой власть василевса, наиболее ярко проявились в тексте договора: в нем полностью игнорируются изменения, происшедшие на Ближнем Востоке после 1071 г. Империя передает Боэмунду свои права на территории давно уже не существовавших фем — Лапары с Абластой, Зуме, Аэт, Лимниев, стратигаты, располагавшиеся ранее на территории Антиохийского княжества, владения Сельджукидов — Алеппо и Мункидитов — Шейзара и даже на «фему Кассиотида» с Алеппо, права империи на которую в лучшем случае

⁴⁹ Анна Комнина. Указ. соч. С. 369.

⁵⁰ См.: Степаненко В. П. Апахуник в таосско-византийских отношениях в период мятежа Варды Склира // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 10. С. 221—224.

были основаны на том, что названная феода принадлежала ей еще до арабского завоевания VII в., а затем, в 970 г., будучи столицей эмирата Хамданидов, была захвачена на короткое время Иоанном Цимисхием. В тексте договора намеренно используется византийская политическая, административная и географическая номенклатура, лишь в незначительной степени отражавшая реальную политическую и этническую карту Ближнего Востока, где никакими территориями к 1108 г. империя уже не владела.

Наиболее показательно в этом отношении требование Византии вернуть ей Аназарбу, входившую в состав бывших имперских владений в Равнинной Киликии. Исходя из текста договора, можно вынести впечатление, что город принадлежал империи и ко времени подписания договора был отвоеван Танкредом. Однако данные Маттэоса Урхайеци не оставляют сомнений в том, что уже в 1107 г. Аназарбой владели Рубениды и она была столицей удела Тороса I, упомянутого в Девольском договоре в качестве вассала Византии⁵¹. Подобная же трактовка ситуации сказалась там, где речь идет и о районе Лаодикеи — Торотосы, который, по условиям договора, должен был быть возвращен империи Антиохийским княжеством, между тем практически последнее контролировало лишь часть его с Лаодикеей⁵².

Таким образом, подходить к анализу текста договора приходится крайне осторожно, учитывая, что он отражает не столько реально сложившуюся на Ближнем Востоке ситуацию, сколько восприятие ее имперской дипломатией, восприятие, в известной степени «откорректированное», точнее сказать, искаженное ойкуменической доктриной.

Девольский договор отменял для Боэмунда условия Константинопольского соглашения, поставив в то же время Антиохийское княжество в более определенную зависимость от Византии, что объективно противопоставляло княжество остальным государствам крестоносцев, в первую очередь претендовавшему на сюзеренитет над ними Иерусалимскому королевству. Эдесский вопрос также был решен империей и князем Антиохии без учета прав Бодуэна I, если не с намеренным пренебрежением к ним. Между тем права эти были достаточно велики, ибо, став королем Иерусалима в 1100 г., Бодуэн Фландрский сам передал графство Эдесское своему родственнику Бодуэну Буржскому как своему вассалу. В то же время отношения короля с князем и регентом Антиохии были крайне враждебными еще со времени киликийской экспедиции 1097 г. Помнил Танкред и о том, что, уйдя весной 1101 г. в Антиохию, он под давлением Боэмунда I вынужден был отказаться от своих прав на Тивериаду и Хайфу. Поэтому Антиохийское княжество ни при Боэмунде, ни при Танкреде не признавало претензий короля Иерусалимского на сюзеренитет. В этих условиях присоединение графства Эдесского к Антиохийскому княжеству могло быть осуществлено лишь временно (до выхода из плена Бодуэна Буржского) как нечто экстраординарное. Вот почему граф намеренно был оставлен без выкупа после битвы при Харране, хотя Атабек Мосула предлагал Боэмунду и Танкреду обменять Бодуэна на

⁵¹ Урхайеци Маттэос. Хронография. . . С. 305—307.

⁵² Вопрос крайне запутан. По рассказу Анны Комниной, в феврале 1099 г. граф Раймунд Сен Жильский передал империи Мараклею, Валан — Баниас (с. 308). Тогда же он овладел Тортосой и начал осаду Триполи. См.: *Anonimi Gesta Francorum* / Ed. E. Bréhier. P., 1924. X. P. 34. По-видимому, ни Византии, ни Сен Жиллю не удалось удержать порты, поэтому в апреле—мае 1102 г. граф вновь захватил Тортосу (см.: *Aboulfeda. Annales*. P. 7) и Джебель и возобновил осаду Триполи, во время которой и умер в феврале 1105 г. Его преемник Гийом, вероятно, утратил часть наследия Сен Жилля. По арбитражному решению Бодуэна I под Триполи весной 1109 г., Гийом, как вассал Танкреда, сохранил Тортосу и Арку, а сын Сен Жилля Бертран получил Джебель и Мон Пелерин. Баниас и Джабала были захвачены Танкредом только в июле 1109 г., после падения Триполи, и ко времени подписания договора явно не принадлежали Антиохийскому княжеству. См.: *Ibn al Athir. Chronique*. P. 274.

попавшую к ним в плен знатную даму-мусульманку⁵³. Создается впечатление, что Танкред, быть может приглашенный в город «советом двенадцати ишханов», который контролировал положение в городе после пленения графа⁵⁴, намеревался закрепить за собой Эдессу. По Р. Груссе, утратив ранее власть регента, Танкред пытался оставить себе отвоеванные у Византии города Равнинной Киликии⁵⁵. Этого не удалось сделать, но тотчас же после битвы при Харране он водворяется в Эдессе. Лишь отъезд Боэмунда в Европу осенью 1104 г. вновь возвратил Танкреду власть регента Антиохийского княжества, тогда как наместником графства Эдесского стал его родственник Ричард Салернский.

Девольский договор лишал Танкреда его завоеваний в Равнинной Киликии, так как Боэмунд обязался принудить регента — вплоть до применения силы — выполнить условия договора. В то же время, признавая Боэмунда пожизненным князем Антиохии и передавая ему наследственно лишь графство Эдесское, империя лишала Танкреда не только его завоеваний в Киликии, но и права наследования Антиохийского княжества, которое после смерти Боэмунда должно было перейти под власть василевса. По-видимому, невозможность выполнения условий договора была ясна князю. Боэмунд не пытался возвратиться в Антиохию и повлиять на регента. Он остался в Апулии, где и умер в 1111 г.

Девольское соглашение не было реализовано ни в целом, ни частично. Танкред продолжал отвоевывать Равнинную Киликию у Византии. Его войска уже подходили к Тарсу. Пала Лаодикея⁵⁶. Однако осенью 1108 г., немного ранее подписания договора, вышел из плена граф Эдессы Бодуэн Буржский, потребовавший у Танкреда возвращения Эдессы. Регент соглашался на это лишь при том условии, что граф признает себя его вассалом. Бодуэн отказался и стал готовиться к вооруженной борьбе с Танкредом. По-видимому, в это время Ричард Салернский ушел из Эдессы в Мараш⁵⁷. Притязания Танкреда на сюзеренитет над графством Эдесским сталкивали его с королем Иерусалима. В то же время граф Эдессы был связан военным союзом с новым атабеком Мосула-Джавали, к которому был направлен призыв о помощи. Крупнейшее из армянских княжеств на Евфрате поддержало графа. Князь Васил Гох предоставил ему печенежскую конницу из византийского гарнизона захваченной Танкредом Мамистры, находившуюся на жаловании у Алексея Комнина⁵⁸. Оказавшись в полной изоляции, Танкред обратился за помощью к своему старому противнику Ридвану ибн Тутушу, опасавшемуся появления армии Джавали в Сирии. В вооруженном столкновении с Танкредом при Тель Башире Бодуэн Буржский потерпел поражение. Казалось бы, участь графства Эдесского была решена⁵⁹, но в это время в Антиохию на пути из Европы через Константинополь прибыл наследник Раймунда Сен Жилля, графа Тулузского, Бертран, потребовавший у Танкреда возвращения отцовского наследия, в том числе и некогда захваченной Сен Жиллем части Антиохии. Если верить латинским авторам, то в качестве контрусловия выполнения этого требования регент предложил Бертрану принять участие в его операциях против византийских войск в Киликии⁶⁰. Переговоры завершились разрывом и отъездом графа к Триполи. Вскоре началась вооруженная борьба за наследство Сен Жилля между Бертраном, поддержанным Бодуэном I, и его родственником

⁵³ Grousset R. Op. cit. P. 409.

⁵⁴ Albert. Aquens. Op. cit. Lib. 9. Ch. 42—45.

⁵⁵ Grousset R. Op. cit. P. 399.

⁵⁶ Ibn al Qalanisi Chronique. P. 99; Willerm. Tyr. Op. cit. Lib. 10. Ch. 23.

⁵⁷ Anonymous. Syriac Chronicle. P. 82; Ibn al Athir. Chronique. P. 323—325.

⁵⁸ Урзайеци Матмэос. Указ. соч. С. 308. См.: Степаненко В. П. Княжество Васила Гоха и Византия // Античные традиции и византийские реалии. (АДСВ. Свердловск, 1980. С. 34—44).

⁵⁹ Extrait de la chronique d'Alep par Kemal ad din // RHCOr. T. 3. P. 595; Ibn al Athir. Chronique. P. 290—291.

⁶⁰ Willerm. Tyr. Historia... Lib. 11. Ch. 9.

Гийомом, вассалом Танкреда. Последний оказался, таким образом, втянутым в борьбу на три фронта — против Византии (в Киликии), против графа Эдессы, на помощь которому спешили войска атабека Мосула, и против Бертрана, за спиной которого стоял король Иерусалима.

Антиохийское княжество оказалось предоставленным самому себе, без чьей бы то ни было поддержки. Это вынудило Танкреда согласиться на арбитраж Бодуэна I и вместе с Бодуэном Буржским, Жосленом де Куртене, Гийомом и Бертраном прибыть в апреле 1109 г. к Триполи. Здесь Танкреду пришлось возвратить Бодуэну Эдессу и графство Эдесское — без Мараша. Хотя неизвестно, каким образом был оформлен переход Мараша под власть князя Антиохии, но уже в 1110 г. тут правит бывший наместник Эдессы Ричард Салернский. В дальнейшем графы Мараша фигурируют в латинских источниках как вассалы князей Антиохии; таковыми они остаются вплоть до гибели графства Марашского осенью 1149 г. под ударами войск султана Рума Масуда. Владения Сен Жилля были разделены между его наследниками. Танкред обязался оказать королю помощь в осаде Триполи и получил титул князя Тивериады и Хайфы⁶¹. Лишь после падения Триполи 23 июля 1109 г. Танкред захватил Тортосу, которая, по условиям Девольского договора, должна была быть возвращена Византии. К концу 1109 г. падением Тарса завершилось отвоевание регентом Равнинной Киликии⁶². Попытки Византии опереться на поддержку Бертрана и Бодуэна I, чтобы принудить Танкреда выполнить условия договора 1108 г. в 1111 г., после смерти Боэмунда, были безуспешны⁶³.

Девольский договор утратил свое значение, не будучи реализован ни в целом, ни частично. Однако он сохранил свою силу в качестве международно-правовой основы дальнейших отношений Византии с государствами крестоносцев вплоть до 1137 г., когда, ссылаясь на него, Иоанн II Комнин потребовал от Раймунда де Пуатье передачи ему Антиохии взамен уступки прав на Алеппо, Шейзар и ряд других городов Сирии, которые (или права на которые) император вручал князю Антиохии. В отношении графства Эдесского империя сохранила притязания на сюзеренитет и позже. Так, в 1142 г., осадив Тель Башир, Иоанн II Комнин принудил графа Жослена II признать сюзеренитет василевса и выдать заложников. Мараш в 30-е годы XII в. становится центром графства, куда вошли территории армянских княжеств Приевфратья и феоды графства Эдесского, расположенные на правобережье Евфрата. В конце 50-х годов XII в. Мануил Комнин пытался приобрести часть этих земель у вдовы последнего графа Эдессы, но в условиях, когда развернулась экспансия Нур ад Дина и султана Рума — Масуда, не смог удержать их под властью империи.

⁶¹ Willerm. Tyr. Op. cit. Lib. 11. Ch. 9.

⁶² Ibn al Qalanisi Chronique. P. 99.

⁶³ Анна Комнина. Указ. соч. С. 375—376. Ср.: Richard J. Le Comté de Tripoli sous le dynastie Toulousaine, 1102—1187. P., 1945. P. 28.